

ВЕРА КУШНИР

СТИХОТВОРЕНИЯ В
ДВУХ ТОМАХ. ТОМ
ВТОРОЙ

Вера Кушнир

**Стихотворения в двух
томах. Том второй**

«Titel-Verlag»

2006

Кушнир В. С.

Стихотворения в двух томах. Том второй / В. С. Кушнир —
«Titel-Verlag», 2006

ISBN 3-934583-33-4

Во второй том вошли ранее напечатанные сборники: «Строчки на белом листе», «Венок сонетов», «Стихи, как стихии...» и 50 новых стихотворений, которые не публиковались.

ISBN 3-934583-33-4

© Кушнир В. С., 2006
© Titel-Verlag, 2006

Содержание

Строчки на белом листе	7
На белом листе синеватые строчки	7
Язык ладоней	8
Горе от ума	9
Продли...	10
Передышка в пути	12
Пятьдесят лет	13
Перемены	15
За те годы...	16
Время	17
Переход	18
В плену часов...	19
Годы	21
Бег с препятствиями	23
Новое и старое	24
Тире	25
Весной	26
Он знал...	27
Он жив!	28
Прозрение	30
Явление при море	32
Пасхальный акrostих	32
Пасхальная декламация	33
1 (Иоанна 12:1–7)	33
2 (Иоанна 12:12–15)	33
3 (Иоанна 12:1–15)	33
4 (Иоанна 13:21–30)	34
5 (Луки 22:39–44)	34
6 (Луки 22:47–53)	35
7 (Мф. 26:34)	35
8 (Луки 23:1–16)	36
9 (Луки 23:26–33)	36
10 (Луки 23:39–46)	36
11 (Мф. 27:60)	37
12 (Луки 24:1–9)	37
Раздумья матери	39
Летние раздумья	42
Осеннее очарованье	43
Ноябрь	44
Осень	45
Короток путь...	46
Осенний лист...	47
Листья и семена	48
Зимний маскарад	49
В ту ночь...	50
Великие поиски	51

Рождество	52
Живая вода Вифлиема	53
Свет в конце туннеля	55
Рождественская декламация	56
1. Быт. 3:15	56
2. Быт. 12:3; 17:19	56
3. Быт. 49:8-10	56
4. Ис. 9:7; Дан. 9:24; Мих. 5:2	57
5. Ис. 7:14; Лк. 1:26,27,31	57
6. Мф. 1:18-25	58
7. Лк. 2:1-8	58
8. Лк. 2:6,7	58
9. Лк. 2:8-14	59
10. Лк. 2:15-19	59
11. Мф. 2:1-11	60
12. Лк. 2:22-39	60
Мы – одно	61
Урок	62
Улыбка капитана	64
Прозрение	65
Пернатый пленник	67
О боли	69
Добрые люди	70
Мысли у камина	71
Крылатые песни	73
С последней скамьи	74
Почему?	75
Молодым	76
Два следа	77
Мысли на пляже	78
За тобою пойду	79
Не все прозрачно	80
В ресторане	81
Горе-советники	82
Зеленоглазая	83
Перлы мудрости о языке	84
Острой меча	85
Рука лицемерья	86
Гордость	87
Золотая лихорадка	88
Вести	90
Ответ на вопль барда	92
«Мир миру»	94
Мечты о мире	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Вера Сергеевна Кушнир
Стихотворения в двух томах. Том второй

© Titel-Verlag, 55743 Idar-Oberstein, Germany, 2006

Строчки на белом листе

На белом листе синеватые строчки

На белом листе синеватые строчки,
Как жилки на белой руке,
Как тонкие в детском ботинке шнурочки,
Как нити в скрипичном смычке.

Но жилки под белою кожей ручною
Тепло разливают и жизнь.
Шнурочки в ботиночках детской порою
Дразнили: свяжи, развяжи!

И нити смычка, пробегая по струнам,
Мелодии дивные ткут,
И вяжут, и тянут, и режут, и руны
На сердца скрижали кладут.

Ведь есть у всего на земле назначенье –
На строчках листа голубых
Ложится, рожденный небес вдохновеньем,
Ритмичный, осмысленный стих.

Январь 1985

Язык ладоней

Я гляжу на ладони мои –
Вижу сеточку линий на них,
Переплытых озер колыханье...
Вижу гор превзойденных гряды,
Вижу стежек-дорожек ряды,
Отдаленных зарниц полыханье.

На ладонях усталых моих
Отразился мой трепетный стих
И оставил свой пульс и дыханье,
И когда ты мне руку пожмешь,
Ты взволнованный стих мой поймешь,
Ощутишь его смех и рыданье.

На ладонях моих пролегли
Строк нестройных зигзаги, узлы
Слов рожденных в слезах и страданье.
Здесь остались изгибы траншей
От пера и от карандашей,
От упорного рифм созиданья.

Если добрые руки твои
Заключу я в ладони мои,
На которых вся жизнь отразилась.
Ты, наверно, поймешь почему
Вдруг по сердцу всему твоему
От ладоней усталых моих,
И от линий глубоких на них
Теплота разлилась, заискрилась!

Горе от ума

Можно писать бездумно,
Просто – слова под ноты.
Мне ж говорят: «Пишешь умно,
Слишком серьезно что-то»...

Не знаю, как и ответить, –
Обидой или улыбкой?
Хотите стихов, чтоб петь их
С певучестью плавно-гибкой?

Чтоб не о чем было думать,
И петь, как поется птицам,
Чтоб если на слово дунуть,
Оно, как прах, разлетится?

Сказал Грибоедов как-то
(И я ли начну с ним спорить?
В нем ли искать недостатков?),
Что от ума лишь горе.

Прав он, ох, как же прав он!
Меньше бы знать и ведать!
Пользоваться бы правом,
Что сохранено невеждам.

С тех же, кто много знает,
Знание взяв у Бога,
В час, что невежд не пугает,
Спросится ОЧЕНЬ МНОГО!

Май 1977

Продли... Пс. 89:17

Где песенные взять слова,
Слова стозвучные,
Чтобы стихи из них слагать
Тебе певучие?

И сердца радость передать
Творцу спасения,
Кто жизнь дарил и благодать,
И вдохновение!

Кто много лет меня хранил
В Своем служении,
Елей на раны мои лил,
Смирял брожение.

Несчетно в горе утешал,
Прощал бесчисленно...
Не обижал, не унижал
Ни вслух, ни мысленно!

А я то ровненько иду,
То спотыкаюсь,
Скольжу порою, как на льду,
Вновь выпрямляюсь.

Но как бы ни было со мной,
В одном уверена:
Своею оградит стеной
Мой Друг проверенный!

Благодарю, Господь, Тебя
За дар служения.
Ты сохрани его, любя,
Средь разложения.

Пусть будут пажити мои
Богаты злаками,
Чтоб души в небеса вошли
Живыми знаками.

Благослови усилie рук,
Их напряжение...
Во имя ран Твоих и мук,
ПРОДЛИ служение!

Передышка в пути

Я забыла, когда я бывала одна,
Я забыла, что значит вокруг тишина,
Что никто не нарушит желанье писать,
Ни желание просто сидеть и мечтать,
Ни желанье молиться, хотя бы и вслух,
Не нарушит никто – ни противник, ни друг.

От давленья и шума устала душа,
Мозг устал оттого, что работал спеша.
Каждый мускул устал, каждый нерв и сустав, –
Все об отдыхе просит смертельно устав.
Как Ты милостив, добрый, понятливый Бог!
Только Ты на ходу придержать меня мог
И заставить склониться в тени на привал,

Зная – загнанный зверь все бы мчался и мчал...
И расходуя сил не бездонный запас,
Подкосился б и пал в преждевременный час.
Ты помог мне замедлить убийственный ход,
Сам повел за Собою спокойно вперед.
Умудри, укрепи и пополни урон.
За покой же прими самый низкий поклон.

1980

Пятьдесят лет (1926–1976)

Их прошло пятьдесят... Я не все их запомнила.
Я запомнила часть. Остальное забылося...
Я запомнила то, что полезным заполнила.
Остальное туманом забвенья покрылося.

Я запомнила случай... Тот год был особенным.
Я девчонкой была восемнадцатилетнею.
Дождь осенний лупил по дорожным колдобинам
И по спинам у пленных хлестал, словно плетью.

Мне позволила жизнь улыбнуться тем пленникам,
Помахать им рукой, показать сострадание...
На них было клеймо: «Вы враги и изменники».
К ним улыбка моя не пришла с опозданием.

В каждом взоре печаль и тоска беспросветная.
Юность лиц не видна под щетиной небритой.
Но улыбка девчонки улыбку ответную
Все же вызвала в них... никогда не забытую.

Это мелочь, пустяк, но такими моментами
Наши лучшие годы земные отмечены.
Они высятся в сердце людей монументами,
Только их мы считаем святыми и вечными.

Все они в нашу память легли и остались –
Кто-то хлеба просил, кто-то слов утешения,
С кем-то мы навсегда на земле распрощались
И в слезах перед кем-то просили прощения.

Я запомнила год... В безысходном страдании
Мне явился Спаситель Звездой Путеводною,
Подарил мне спасение чрез покаяние,
И бесплодную жизнь превратил в плодородную.

Я запомнила годы, что были полезными,
Что в служении ближнему были проведены –
Благодарные взгляды и руки любезные
Тех, кто были в болезни и горе проведаны.

Я запомнила годы великих возможностей,
Годы юности трудной и годы супружества,
Материнства блаженство и горестей множество,
Сладость близости кровной и близости дружеской.

Их прошло пятьдесят... Я не все их запомнила.
Я запомнила часть. Остальное забылося...
Слава Богу за часть, что полезным заполнила!
Слава Богу за жизнь, что в Христе мне открылася!

1976

Перемены

За каждым поворотом что-то новое...
За дверью тайны новые видения.
Гляжу вперед восторженно, взволнованно.
Труда название переименовано,
Но не переменилось направление.

Все та же устремленность назначения,
Все то же чувство срочной неотложности,
Все та же острота, как ощущения,
Так и единой цели посвящения,
Все те же безграничные возможности.

В пути не раз менялось окружение,
Среда менялась, люди и условия,
Но не менялось с Господом сближение,
Ни жажда до последних дней служения
Достойному и жертв и славословия.

Я перемену принимаю радостно
С благодареньем и надеждой новой.
И поворот пути с нерезким градусом
Толкую для себя Небесной радугой –
И знаменьем того, что обетовано.

Январь 1980

За те годы... Иоиль 2:25

Бог допускает саранчу –
Опустошенье.
И я тогда к Нему стучу,
Прошу прощенья.

Но вновь приходит суховой
Безводной тучей.
Бог говорит: себя проверь,
Дитя, получше.

Проверив, вновь к Нему иду,
Убрал все злое.
Так тяжело нести беду
И боль простоя!

И слышу голос: «Излечу,
Пошлю спасенье.
Воздам тебе за саранчу
Благословеньем!»

1980

Время

Как-то совершенно незаметно
Тянутся, бегут, уходят дни.
Вот июль прошел... Проходит лето,
Жизнь проходит, гаснет тихим светом,
Мы летим, но, к счастью, не одни!

Мы летим с другими плечи в плечи,
А порою и рука в руке.
Тени все длинней, все ближе вечер,
Нас несет вперед попутный ветер,
Словно парус легкий по реке.

Тот поток ничем не остановим.
Время создал Бог, чтобы текло.
И течет... А мы глазами ловим
Свет в окне в плену земных условий,
Но тускнеет с каждым днем стекло.

Время – поезд. Дни летят, как вехи,
Все назад, назад в глухую даль.
В мир забвенья, навсегда, навеки
Мчатся неудачи и успехи,
Мчится наша радость и печаль.

Только Тот, Кто здесь вот с нами рядом,
Только Тот, Кто делит наши дни,
Даже и холодным листопадом
Греет нас любви и дружбы взглядом,
Верностью прочней, чем у родни.

Только ради этой тесной связи,
Ради этой близости святой
Стоит жить, хранить себя от грязи
И под небом из ажурной бязи
Отыскать свой прииск золотой.

Переход

Тихий вечер. Удлинились тени.
Опустела улица моя.
Отдыхает от дневных волнений
У стола за ужином семья.

День ничем как будто не отмечен,
«Ныне» не отличишь от «вчера».
Были вокруг стола такие ж встречи,
На дворе такие ж вечера.

Все же этот день особо важен.
Праздничную подаю еду.
Чуть дрожит рука и взор мой влажен...
Это ж ведь последний день в году!

Поедим. Я приберу посуду.
Выйду в сад. (У нас ведь нет зимы).
Буду вспоминать и плакать буду,
Глядя в год, что пережили мы.

Жалко, что ушел и не вернется.
Поздний вечер, как немой, молчит.
Утром новый день нам улыбнется,
Новый год нам в сердце постучит.

Сколько их, отмеренных отрезков,
Полных треволнений и забот!
Боже, не возьми из жизни резко,
Пусть спокойным будет переход.

Пусть в такой обыкновенный вечер
Удлинятся тени, как всегда.
Дух Святой подует, как на свечи,
И погасит все мои года.

В плену часов... (Мысли под новый год)

В плену часов, рабами циферблата
Мы стали с ученической скамьи.
Вихрастые девчонки и ребята
Уже считали дни-часы свои.

Считали годы чуть ли не с пеленок:
Пять с половиной, шесть, почти что семь!
И рос в семье потомок-постреленок,
В расчеты лет запутанный совсем.

Календари в расчетах помогали.
На них всегда виднелись наперед
Все выходные-праздники... Кругами
Мы обводили их, ведя учет.

Потом часы назначенных свиданий,
Биению сердца вторя в унисон,
Пугали нас возможным опозданием,
Или забвением, уносящим сон.

Часы томлений, долгих ожиданий,
Минуты счастья и блаженства миг,
Слагались в жизнь из смеха и рыданий,
Улыбок, слез, разрывов и интриг.

Дни юбилеев, бракосочетаний,
Рождения и смерти дорогих
Оставили рельефность очертаний
Неизгладимостью следов своих.

И врезалась навек на сердце дата
Сладчайшей встречи на пути земном,
Когда, признав греховность, виновато
Мы на колени пали пред Христом.

Совсем иное летоисчисленье
Мы начали с того святого дня,
Когда душою приняли прощенье
И искру от Небесного огня.

Но счет идет... Мы все еще под небом
С размеренным движением светил.
И близок день, единый на потребу,
Когда Господь нас снова посетит.

И уведет в страну совсем иную,
Без циферблатов и календарей,
И без понятий, что теперь волнуют,
Без пресловутых позже и скорей.

Утратят смысл часы, недели, годы,
И прекратится времени учет.
С надеждою на этот вид свободы,
Еще один встречаем Новый Год!

Годы

Были годы колен материнских и каш,
Безответности детской беспечный шабаш.

Были годы скакалок, мячей, пузырей,
Были годы русалок и богатырей.

Были куклы-матрешки, из листьев компот,
Были годы зубрежки, контрольных работ.

Были годы мечтаний и планов и грез.
А один год был полностью соткан из роз...

Мчались годы-курьеры своим чередом,
И делились на эры: на «после» и «до».

Старой эры года, новой эры места
Разошлись навсегда: до и после Христа!

Новых лет исчисленье с Него началось,
От второго рожденья оно повелось.

Были годы служенья для блага людей,
Были годы суженья широких путей,

Были годы рыдания, молитв и постов,
Были годы сжиганья пройденных мостов.

Были годы восходов до высших вершин,
Были годы походов до низших низин.

Были годы броженья, открытых концов,
Были годы сближенья с Небесным Отцом.

Были годы падений и годы побед,
Были годы видений и тихих бесед,

Поворотов лихих, перевалов крутых...
Я писала стихи о годах золотых,

Я писала стихи и поныне пишу,
Потому что стихами живу и дышу.

Будут годы еще впереди предо мной.
Они будут вставать темно-бурой стеной.

Они будут хрупки, словно первый ледок,
То горьки, как полынь, то сладки, как медок.

Будут старости годы, болезней, невзгод...
Будут радостей годы и будет ТОТ год...

Будет год предвкушения встречи с Христом,
Год серьезных решений настанет потом...

Мой прощальный, последний, не конченный год...
Он придет... Но зачем забегать наперед?

Бег с препятствиями

Моя жизнь – с препятствиями бег.
Гладкий был бы малоинтересным,
Как без слез неинтересен смех,
И без грусти песни, как не песни.

В радости хвалить Творца – одно,
А в беде – совсем другое дело.
Я души нащупывала дно,
Когда в лапах горя было тело.

Я ценю вернувшийся покой
Лишь за то, что был он мной потерян.
Дорожу Спасителя рукой,
Вырвавшей меня из пасти зверя.

Все беру усилием, в поту.
Ничего легко не достигаю.
За преграду рвуся, за черту,
Падаю, встаю, изнемогаю...

Смотрит память на препятствий ряд,
На преодоленные барьеры.
А вдали огни манят, горят
И зовут на испытанья веры.

И когда последний перевал
Позади останется пройденным,
Я по праву сделаю привал,
Богом данный от Него рожденным.

Ноябрь 1983

Новое и старое

Мне новый день, как дар неожиданный,
Как первый вздох,
Как мир Адама первозданный,
Как в яслях Бог.

Все поражает новизною,
Когда вперед
Иду дорогою земною
За годом год...

Гляжу на небо, как впервые,
Который раз!
Мне переливы голубые
Ласкают глаз.

Мне облаков пушистых клочья,
Как первый снег,
Как первый зуб во рту молочный,
И первый смех.

И смерть мне будет чем-то новым,
Но не чужим,
Как гость, что приходил к знакомым,
К родным моим.

Когда же там за жизни гранью,
Где смерти нет,
Приду на вечное свиданье
В небесный свет,

Там даже тело будет новым,
Но только вдруг
Там голос Пастыря знакомый
Уловит слух.

Я руки там к рукам Христовым
Тогда простру,
И для меня не будет новым
Мой старый Друг.

Тире

Сойдут на нет житейские дороги.
Закончим жизнь когда-то я и ты.
В газетах и журналах некрологи,
А на могилах свежие цветы.

Цветок прильнет к холодному надгробью,
Где высечены раз и навсегда
Две даты и, как мостика подобье,
ТИРЕ, соединившее года.

Тире, черта, штришок едва заметный –
Земной наш путь с начала до конца,
Вся наша жизнь, весь бег наш эстафетный
В одном коротком росчерке резца.

Что кроется за этим знаком малым?
Пустое прозябанье, суета?
Погоня за обманным капиталом?
Безделье, бесполезность, маета?

Что шепчет, глядя на тире, потомок?
Зачем ты умер иль зачем ты жил?
Штришок короток, неглубок и тонок.
Каким был тот, кто здесь под ним почил?

Весь год читая чьи-то некрологи,
Задумалась невольно над собой.
Проходит жизнь, но как? Всецело в Боге,
Иль как попало, с Богом вразной?

Божественный нектар или снадобье
Давала близким и далеким пить?
Меж датами тире... Мое надгробье
О чем потомкам будет говорить?

Была ли жизнь моя теплом и светом,
И идеалы были ль высоки?
Возьмут ли дети их, как эстафету,
Из тихо опустившейся руки?

Весной

Повсюду веянье весны,
Теплом все дышит влажным,
И кофты больше не нужны,
Забыл пальто? – не важно!

Верба пушистит на дворе
Свои кошачьи лапки,
Стоит мимоза в январе
В пуховой, желтой шапке.

Прошли дожди, пал даже снег,
Хоть, правда, только где-то
Там на горах, где пасть не грех
Ему и среди лета!

А тут внизу совсем весна:
Журчит вода в речонке...
Седая я, а чувств волна
Совсем, как у девчонки.

Какой-то трепет и тоска,
Какое-то волнение...
Глядеть не в силах свысока
На это пробуждение.

Быть может, час придет, что я
К весне остыну вовсе,
И стану равнодушная,
Всего увидев в досталь.

Но признаюсь, что я молюсь,
Чтоб этого не случилось.
С весной в душе встречать стремлюсь
Все, что еще осталось.

Пусть будет веянье весны
До смерти ощутимо.
Простите мне такие сны!
Ведь это же простимо!

Он знал... Матф. 26:30

Накрытый стол... Христос, ученики,
Хлеб и вино... Вечерняя прохлада...
Вдали мелькают в окнах огоньки,
А тут предатель с преданными рядом.

Так близок час предательства, суда,
Оставленности всеми, отречения...
Христос призвал учеников сюда,
Чтоб суть окрыть им Своего ученья.

Он им открыл, что плоти предстоит
Ломимой быть, а крови быть пролитой.
Он знал, что на Голгофу путь лежит,
Знал, что пойдет туда Один, избитый...

Пойдет туда оплеванный, босой,
Под крик толпы насмешливой, жестокой,
И крест проклятья тяжкий и большой
Сам понесет на лобный холм высокий.

Он знал про Гефсиманскую борьбу,
И называл все это горькой чашей,
Но Сам избрал кровавую судьбу,
В виду имея Искупленье наше.

И зная все, душою ликовал.
«Ученики, воспев, пошли на гору...»
Я думаю, что Он им подпевал
В ту страшную, решающую пору.

Я думаю, Он вместе с ними пел
В сознании, что вот еще немного,
И СОВЕРШИТСЯ все, что Он хотел:
СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕКУ! СЛАВА БОГУ!

Он жив! Лк. 24:13

Бежали двое пыльной дорогой,
Волнуясь, задыхаясь, в Еммаус.
Душа болела, думая о многом,
Но центром дум был Друг их Иисус.

Событий потрясающих картины
Кружились в утомленной голове.
Но ярче всех. Распятые Божья Сына
И мертвый взгляд полузакрытых век.

«Он умер. Нет Его. Он был изгнанник.
Куда пойдём? Как будем дальше жить?»
Вдруг к ним приблизился какой-то странник
И тихо начал с ними говорить.

«О чем, волнуясь, громко говорите?» –
Спросил спокойно, обращаясь к ним.
«Ты разве не слышал о тех событиях,
Какие видел наш Иерусалим?»

И повторили, но еще с задышкой,
Все то, что пережили только вот.
Был близок вечер, и достигнув крыши,
Спросили, может, Странник к ним зайдет.

И Он зашел. За ужин вместе сели.
Вино и хлеб, еще другая снедь...
Он поднял хлеб и преломил, чтоб ели,
И подал им, но так, как будут впредь...

И вдруг они Спасителя узнали
В движенье рук, в Вечере и в Лице...
Он жив! И в один голос закричали:
«Он жив! Он здесь в бессмертия венце!»

Да, Он воскрес, и смерть не удержала
Того, Кто Путь и Истина и Жизнь.
О смерть, скажи, где ныне твое жало?
Ад, от победы лучше откажись.

Он жив! Он жив! И мы Его узнали.
Мы приняли Его в свои сердца.
Хвала Ему! Нет места для печали.
Мы вечно живы. Жизни нет конца!

Пасха 1984

Прозрение

*Тогда отверз им ум
к уразумению Писаний
Луки 24:45*

Можно слушать и не слышать,
Посмотреть и не увидеть,
Прикоснувшись, не поверить,
Сути дела не понять.
Вместе ели, пили, спали,
Вместе плакали и пели,
Вместе страны Палестины
Обошли за пядью пядь.

Иисус с учениками
Говорил неоднократно.
Говорил, напоминая
Все пророчества о Нем.
Говорил, что Он – Мессия,
Он – Спаситель, Он от Бога,
Что отныне загорится
Мир Божественным огнем.

«Я есмь Путь и Жизнь и Правда,
Я есмь Свет и Божье Слово.
Я умру и вновь восстану,
Чтобы грешных искупить...
Я пришел, чтобы разрушить
Сатанинский план лукавый,
Чтоб ногой на череп змея
Со всей силы наступить».

Все слышали, все видали:
Исцеленья, воскрешенья,
Наставленья, насыщенья
И прощение грехов!
Все слышали и видали,
А когда Его поймали
Злые люди и распяли,
Всяк бежал и был таков...

Все уныли, все забыли
Утешительное слово
О счастливом третьем утре,
О победе над грехом.
О победе над могилой,

Над врагом последним – смертью,
Над губителем Едемским,
Лютым душ людских врагом.

Сам Христос открыл им очи,
Исцелил глухие уши,
Ум отверз для разуменья
И огнем зажег сердца.
Мироносицы в восторге
Возвестили, задыхаясь:
**ОН ВОСКРЕС! ВОСКРЕС ИЗ ГРОБА
СИЛОЙ ВЕЧНОГО ОТЦА!**

Пасха 1979

Явление при море от Иоанна 21:12

Пасхальный акrostих

Хорошо рыбачить на рассвете.
Рыбаки закинули их сети
И глядят во тьму из-под руки
С верою на сеть и поплавки.
Так всю ночь прождали терпеливо.
О, как было на душе тоскливо!
Сколько было пережито ими

В эти дни в святом Иерусалиме!
Он, Иисус, повешен был позорно,
Сам отдался в руки злых покорно...
Как они Его терзали, били!
Руки, ноги ко кресту прибили...
Еле-еле удалось им бедным
Скрыться от гонителей зловерных.

Вот они теперь опять рыбачат.
Он же мертв... и сердце плачет, плачет...
И глядят с тоской на побережье.
Свет зари едва заметно брезжит.
Там костер разведен. Светлый Кто-то
Им на завтрак приготовил что-то...
Невод полный вынесли на берег.
Уж не Он ли? И глазам не верят...

Верно, Он! Да, как же, неужели?
Он воскрес! Он жив! А мы робели.
Сколько раз Он говорил об этом!
Как могли забыть Его обеты!
Радости их не было предела.
Ели рыбу, хлеб... а сердце пело
Славу вечносущему Творцу!

Пасхальная декламация

1 (Иоанна 12:1–7)

Приготовление к смерти

До Пасхи оставалось шесть дней.
Иисус пришел в Вифанию к друзьям.
Чтоб будущее сделалось видней,
Учеников туда с Собою взял.
Вечеря приготовлена была
Руками Марфы, дельной, как всегда,
А Лазарь лег поближе у стола,
Где гости разместились кто куда.
Мария же, взяв мира целый фунт,
Помазала Иисуса ноги им
И волосами вытерла... и бунт
В душе Иуды поднялся, как дым:
«Какая трата!» – прошипел злодей.
Христос заметил: «Не мешайте ей»...

2 (Иоанна 12:12–15)

Въезд в Иерусалим

На утро шел Иисус в Иерусалим.
Повсюду раскатилась весть, как гром.
Народ толпою повалил за Ним
Кто как горазд: верхом или пешком...
Иисус же, водрузившись на осла,
Во исполнение древних слов о Нем,
В священный город въехал, где ждала
Его Голгофа с гибельным крестом...
Пока ж восторг толпы и веток хруст,
Одежд и листьев ласковый настил,
И крик: «Осанна! Царь наш Иисус!
Давидов Сын, благословен еси!»
Иисус глядел на город и людей,
И слышал звук вбиваемых гвоздей...

3 (Иоанна 12:1-15)

Урок служения

Под праздник Пасхи, зная, что пора
Пришла Ему оставить этот мир,
И отойти к Отцу, Иисус собрал
Учеников на тайный скромный пир.
И в час вечери, когда диавол мысль
Уже вложил Иуде, чтоб предать
Христа врагам, Иисусу Высший Смысл
Внушил урок служенья преподавать.
Он снял одежду верхнюю Свою,
Взяв полотенце, бедра повязал,
Влил в таз воды и по обычаю
Гостям подряд всем ноги омывал...
«Я, ваш Учитель, ноги вам омыл.
Хочу, чтоб каждый так другим служил».

4 (Иоанна 13:21–30)

Тайная вечеря

«Один из вас предаст Меня» –
«Не я ли, Господи, не я ли?»
Ученики, семья, друзья
В тот час самих себя не знали.

И даже кроткий Иоанн,
Прильнув к груди Христа щекою,
Искал в своей душе изъясн
И не имел в ту ночь покоя.

А тот, кто в темноте ковал
Убийства заговор за плату,
«Не я ли?» – тоже прошептал,
В вопросе том лукавство спрятав.

Дай верность сохранить, Христос,
Средь испытаний и печали,
Чтоб о предательстве вопрос
Не вызвал: «Господи, не я ли?»

5 (Луки 22:39–44)

Гефсимания

Иисус пошел с друзьями за Кедрон,
Где сад был Гефсиманский на холме.
Там отошел от них в сторонку Он
И преклонил колени в полутьме.

В борении душевном находясь,
Прилежнее молился пред Отцом
И вместо пота кровь с чела лилась,
И капала на брови и лицо...
«О, если б, Отче, Ты благоволил
Мучений чашу мимо пронести»...
Но Ангел Сына Божья укрепил,
И Он другое смог произнести:
«Пусть, Отче, воля будет не Моя,
А только лишь всегда Твоя, Твоя...»

6 (Луки 22:47–53)

Арест

Еще Христос не кончил говорить
Ученикам, уснувшим от печали,
Как уж народ пришел Его схватить,
Злодея словно, с кольями, мечами...
Иуда шел открыто впереди,
Пообещав коварным поцелуем
Предать Христа, но Тот предупредил
Его поступок и идею злую:
«Иуда! Целованьем предаешь
Ты Сына Человеческого ныне?»
По телу вора пробежала дрожь,
Когда лобзаньем предал Божья Сына.
«Я каждый день учил и был прямым,
Но ныне ваша власть и время тьмы!»

7 (Мф. 26:34)

Отречение

«Ты трижды отречешься от Меня», –
Сказал Христос Петру в предсмертный час.
«Пусть даже соблазнятся все, но я
С Тобой умру, не страшен мне соблазн!»
Боренье в Гефсимании, арест,
Допросы, издевательства, плевки...
Христу присужен был Голгофский Крест.
Бежали все, желаньям вопреки.
Бежал и Петр. О клятвах позабыв,
Во двор первосвященника проник,
Сел у костра, где слуги и рабы,
Руками к огоньку меж них приник...
Отрекся трижды он, костер потух...

И где-то близко прокричал петух!

8 (Луки 23:1-16) Перед Пилатом

И поднялося множество людей.
К Пилату Божий Сын был отведен.
Как улей, двор перед дворцом гудел.
Не будет Он теперь освобожден...
«Ты Иудейский Царь?» – Пилат спросил.
«Ты говоришь», – последовал ответ.
«Распни Его!» – народ, крича, просил,
Пилат же медлил, не решался: «Нет...
Он не виновен в том, в чем в злобе вы
Сурово обвиняете Его...
Я не казню невинной головы...
Царя ужель распнете своего?».
Публично руки там омыл Пилат.
А Божий Сын был предан и распят.

9 (Луки 23:26–33) Распятие

И повели Иисуса распинать
На место, что звалось Голгофский холм.
Друзья пустились кто куда бежать,
Враги толпою шли за Ним пешком...
И Симон Киринаянин помог
Крест донести избитому Христу,
А женщины, от слез не чуя ног,
На месте казни стали на посту.
Там был на крест кровавый вознесен
Целитель тела и души Христос.
Между двумя бандитами казнен
Был Тот, Кто свет во тьму земли принес!
А надпись на доске (как было встарь),
Гласила: «Сей есть Иудейский Царь».

10 (Луки 23:39–46) Шесть часов

Он шесть часов висел на том кресте.

Разбойники висели с двух сторон.
Один хулил в бездумной простоте,
Другой вину признал и был прощен!
Толпа бросала вызовы Ему:
«Других спасал? Себя не мог спасти!»
А Он Отцу молился Своему:
«Отец, невежд слепых в любви прости»...
Он Мать Свою Иоанну поручил,
А Ей сказал: «Отныне он Твой сын».
И шесть часов подряд кровоточил,
Оставленный Отцом, совсем Один...
И под конец «СВЕРШИЛОСЬ!» прокричал.
«Отец, прими Мой Дух»... и Дух отдал.

11 (Мф. 27:60) Погребение

Иосиф, член совета, ученик,
Добрейший и правдивый человек,
Что Царство Божье ожидать привык,
Порой ночами не смыкая век,
Пошел к Пилату тело попросить,
И получил, и сняв Его с креста,
Решил во гробе новом положить
В своем саду, где быть Ему под стать.
Но женщины пошли туда за ним,
И видели, куда он тело клал...
Суббота наступила... Нелюдим,
Весь день второй сад будто бы проспал.
Не спалось только женщинам, они
Готовились пойти туда одни...

12 (Луки 24:1–9) Воскресение

Поутру очень рано, когда ночь
Еще вбирала блеск последних звезд,
А свет зари, пытаясь превозмочь
Остатки тьмы, рвался из туч вперед,
Пошли ко гробу женщины, как тень,
Тихонько пробираясь по тропе...
Печальные от траурных вестей,
Еще помазать тело не успев...
И видят свет и камень в стороне,
И ангел светлый, молнии светлей:

«Иисуса ищите? Его здесь нет!
Воскрес из гроба силою Своей!»
ВОСКРЕС ХРИСТОС!
Скажите всем о том!
Все верные воскреснут со Христом.

1980

Раздумья матери

*При кресте стояли Матерь Его,
и сестра Матери
Его Мария Клеопова
и Мария Магдалина.*

Иоанн. 19:25

Весь день стояла у креста
Оцепенелая, без силы...
Зажала добела уста,
Не плакала, не голосила.

Опять, как тридцать лет назад,
Событья дней в душе слагала.
«Мой Сын распят... мой Сын распят...»
Беззвучно сердцем повторяла.

Между крестом и третьим днем
Пролег затишка промежуток.
Он душу поднял ей вверх дном,
Был для нее и благ и жуток.

И память из прошедших лет
Картинки воспроизводила:
И Вифлеем, и Назарет,
И Храм, куда Его водила...

Вот, Он Младенец на руках
В худом хлеву вдали от дома,
Где эхом прозвучал в веках
Впервые голос незнакомый.

Вот, Он подросток в мастерской,
Отца земного подмастерье.
В руках спорился труд мирской,
Росло заказчиков доверье.

Он чем-то влек к Себе людей,
Был для Нее и них курьезом –
Кудрявый мальчик-иудей
С миндалинами глаз серьезных.

Он рос, мужал и с каждым днем
Ей непонятней становился.
Молилась по ночам о Нем,
Чтоб дней грядущих не страшился.

О, сердце Матери! Оно
Уже предвидело разлуку:
«Мой Сын земной и неземной.
Он радость мне несет и муку»...

Нагрязнул неизбежный час.
Она весь день за Ним ходила.
Своих, от слез опухших, глаз
С Него тревожно не сводила.

Потом... В течение трех лет
Не счесть ночей ее бессонных!
Есть Сын и все же Его нет, –
Он – достоянье посторонних.

Он толпы учит и целит,
И речь Его мудра и властна.
Но сердце Матери болит:
«Так говорить, как Он, опасно»...

Не Ей беду предотвратить.
Он был на муки предназначен,
Чтоб грех всемирный искупить.
Так почему же сердце плачет?

Так вот он меч, что Симеон
Ей предсказал в далеком прошлом!
Спасенье Божье видел он
В Ее, едва рожденной, Крошке...

«Мой Сын земной и неземной...
Он Божий Сын и Агнец Божий.
Он Сын и Он Спаситель мой!
Смерть быть концом Его не может!»

Сидит в раздумьях долго Мать.
Ей далеко не все понятно.
Все научилась принимать,
Приятно Ей иль неприятно.

Она одна и ночь темна,
И сердце судорожно бьется.
В просвет окна глядит луна,
Свет голубой по стенам льется...

Нашло предчувствие, как тень:
«С Ним что-то будет... что-то будет...»
Не знает, что на третий день

Отец Распятого пробудит!

Летние раздумья

Трепещет лист у пальмы на ветру.
Как легкий веер в пальчиках испанки.
Деревьям легче пережить жару
И солнечные знойные припарки.

А люди где-то умирают в зной,
И куры мрут, и скот ведут на бойню...
А мать, гуляя под руку со мной,
Вздыхает: «Сердце бьется перебойно»...

Июль. Жара. Опять в цветах весь сад.
Еще полгода снова за плечами.
Сижу в тени, глотаю оранжад
Под струйки водной мерное журчанье.

Бежит водичка из кувшина вниз
На лилии в искусственном ставочке.
Верхушку в небо тянет кипарис,
Исчезла пчелка в чашечке цветочка.

Так хорошо! Такая красота!
Роптать ли мне на зной в такой усадьбе?
Ведь это сон! Заветная мечта!
Молюся лишь, ее не потерять бы.

Чтоб продолжалась так на радость всем:
Усталой маме, мужу, мне и детям,
Внучатам и друзьям, как звук поэм,
Написанных прославленным поэтом.

Закрыв глаза, лицо направив ввысь,
Сижу, молюсь, благодарю... и плачу...
Как благ Господь! А вы, друзья, а вы,
Кого благодарите за удачу?

Лето 1980

Осеннее очарованье

У осени свое очарованье.
Как женщину не портит седина,
Так ей к лицу природы увяданье.
А без того она, как не она.

В субтропиках она едва заметна,
Но все же есть. Я радуюсь тому.
Ведь мы похожи в нескольких приметах,
Известных нам и больше никому.

Она прекрасна в золотом наряде
С ковром из листьев пестрых под ногами.
Я с ней встречаюсь в утренней прохладе,
Такою близкой мне и дорогой.

Туманный саван покрывает горы.
Заря над морем в лилово-голубой мгле.
Весна и лето пролетели скоро.
Все пролетает скоро на земле...

Мне сладок щебет птичий на рассвете
И дорог веток оголенных взмах;
И листьев шепот о весне и лете,
О том, что после осени – ЗИМА...

Ноябрь 1982

Ноябрь

Ноябрь, и где-то, верно, выпал снег.
Ледок под ним лежит, как вор в засаде.
Ступнет в него нечаяно человек,
И вмиг лишится важности во взгляде.

Поедут ноги накрест иль в шпагат,
И полетит в сугроб вороной шапка.
И будет вид комично-глуповат,
Как при подножкой вызванной посадке.

Но это где-то, а у нас не так:
У нас не то чтоб вечным было лето,
Но речи быть не может ни о льдах,
Ни о снегах, ни о колючих ветрах.

И месяца нет лучше ноября,
Безветренной, теплее и прозрачней.
Он каждый год спешит ко мне не зря
С поэзией, что лучших проз удачней.

Я не забыла прошлых ноябрей
С их ветром, гололедом и снегами.
Но наш куда приятней и добрей.
Нам с ним легко, ему не трудно с нами.

В моей судьбе давно царит ноябрь
Спокойный и прохладный (но не очень).
Он зиму предвещает мне, но я
Продлить хочу ноябрьскую осень.

Еще успеет наступить зима.
Пусть подождет, повременит немного.
Мне уже слышен ее крыльев взмах.
А налетит, не буду спорить с Богом...

1983 (Ноябрь в Южной Калифорнии)

Осень

Осень. Вечный Художник разлил и разбрызгал все краски.
И пестрит и кружится в глазах этот калейдоскоп.
Осень. В зеркале вод себя видит природа без маски.
И земля отдает до последнего плод свой и сноп.

Осень. Время раздумий и воспоминаний.
Год почти позади. Впереди Рождество, Новый Год...
Осень. Время проверки пройденных путей и желаний.
Время вновь подытожить духовный расход и приход.

Осень. Сладкое, тихое, грустное время.
Золотая пора листопадов и серых дождей.
Время сбора плодов там, где было посеяно семя
От терновника, плевел, пшеницы, янтарных гроздей.

Осень. Время подумать о том, что и жизнь наша семя,
Что мы можем по ветру рассеять ее наобум
Или в доброй земле для нее совершить погребенье,
Чтоб воскресла, истлев в ее временном, нужном гробу.

Осень. Мысли о жатве, о Боге, о жизни и смерти...
О зерне, что по смерти лишь много приносит плодов.
О Христе, Кто сказал: «На Меня посмотрите и верьте,
Что без жертвы и боли не будет плодов от трудов».

Будет только бесплодность, бесцельность и будет
бездарность.

Урожаи не тешат, не радует жизни итог.

Осень. Хочешь Творцу принести благодарность?
Сей и жни так, чтоб жатвой твоею доволен был Бог!

День благодарения, 1981

Короток путь...

*...Dans ce trajet ki court
de la branche a!a terre...
Cyrano de Bergerac – Edmond Rostand*

Короток путь от ветки до земли,
Осенний день печален, сер и мглист...
Безжизненно, как будто из петли,
Сорвался и упал на землю лист.

Момент разлуки был неуловим –
От ветки отломился черенок,
Как будто бы незримый херувим
Слегка его коснулся, дав толчок.

И ветер, как прозрачный парашют,
Понес к земле плавней, чем два крыла.
И лист забыл родных ветвей уют,
Забыл какую жизнь его была.

Он перешел в иное бытие,
Отдался измерениям другим...
Так кончу я здесь странствие свое.
Дух запоем освободенья гимн.

В какой-то день... осенний, может быть,
(Мне Бог на это света не пролил),
Я оторвусь от жизни, чтобы жить!
Короток путь от ветки до земли.

Январь 1977

Осенний лист...

Как будто плачет виолончелист
Мелодией, что написал Франц Лист,
Когда, срываясь, пожелтевший лист
Летит к земле под ветра вой и свист...

Как будто молодой евангелист,
Священной Книги раскрывая лист,
Застенчив, неуверен, неказист,
Осенний на ветру трепещет лист...

Как будто постаревший пессимист,
Надежду потерявший фаталист,
В пустом концертном зале пианист,
Увядший лист последний раз – солист...

Как будто ветхой древности псалмист,
В глухом лесу под птичий пересвист
Осенний лист до смерти мелодист,
До самой смерти, до конца – теист!

Сентябрь 1980

Листья и семена

Нам осень раздает не только листья, –
Она нам рассыпает семена.
И рыжая окраска ее лисья,
Как золото созревшего зерна.

Летят на парашютиках-пушинках,
Стреляют из коробочек, как дробь,
И падают на землю, как снежинки,
Беззвучную в ней вызывая дрожь.

Срываясь, листья на ветру кружатся,
Срываясь, тихо выются семена
Все ниже, ниже, чтоб к земле прижаться
И лечь в нее для временного сна.

И под давлением зерен невесомых
Покорно разверзается земля,
Чтоб выносить в своей утробе темной
И превратить в зеленые поля.

Бессмыслицы у Бога не бывает.
Сменяются у года времена.
Дожди весною землю поливают,
И плод приносят зерна-семена.

И знаю я, когда желтеют листья,
И осень мне про старость говорит,
Что сколько ни проси и ни молись я,
Зима придет и все преобразит!

И жизнь, что в сердце мне Господь посеял,
Когда-то расцветет и явит плод.
Ведь невесомое, невидимое семя
Во мне живет, живет, живет!

Октябрь 1984

Зимний маскарад

Под Новый Год созрели апельсины.
Одежды зимней никому не надо.
Носи весь год костюм из парусины,
Срывай лимоны или авокадо.

Гуляй зимой в сандалиях, панаме,
Лежи на пляже в январе, как летом.
Смотри на чаек, говори с волнами,
Дыши морским, соленым, влажным ветром.

Срывай цветы (сезонные, конечно),
В саду срывай, а не в оранжерее.
Под кипарис садись, что зелен вечно,
Под фикус или лавр, что не стареет.

Покажется, что жизни нет предела,
Что миф старенье, увяданье, слезы...
Пока увидишь, что зима раздела
Родные, белоствольные березы,

Раздела липы, тополи и клены,
Сгустила облака над цепью горной,
И на вершину и на склон зеленый
Спустила белый снег из тучи черной.

Тогда ошеломленный откровеньем,
Придешь домой немного очумелый,
И в первый раз в зеркальном отраженьи
Увидишь тусклый взор и волос белый...

А во дворе созреют апельсины,
Одежды зимней никому не надо,
Но ты видал безлистые осины,
Ты не обманут этим маскарадом.

Январь 1977

В ту ночь...

В ту ночь, когда на небе Иудеи
Звезды таинственной нездешний свет горел,
Слепец перевернулся на постели:
Ему приснилось вдруг, что он прозрел!

В ту ночь, когда до пастухов у стада
Донесся звук небесных голосов,
Глухой во сне дрожал от звуков града:
Ему приснилось, что он слышит вновь!

В ту ночь, когда в хлеву в объятьях Мамы
Младенец льнул щекой к Ее щеке,
Во сне калека шевелил ногами:
Ему приснилось – он бежит к реке!

В ту ночь, когда над только что Рожденным
Мария нежно наклонила стан,
Презренный улыбнулся прокаженный:
Ему приснилось, что он чистым стал!

В ту ночь, когда в руках Пречистой Девы
Младенец-Царь внимал Ее устам,
Во сне еще не согрешившей Евы
Блуднице снилось, что она чиста!

В ту ночь, когда в убогих яслях лежа,
Небесный Сын глядел на звездный свет,
В холодном сне, уже на смертном ложе,
Больному снилось, что могилы Нет!

(свободная адаптация с английского)

Великие поиски

Сменялись дни несчетно темной ночью,
Верблюды шли вперед неутомимо
По каменистой и песчаной почве,
Пересекая реки и долины.

Три седока, три мудреца с Востока
Настойчиво животных подгоняли.
Слова живые древнего пророка
Им дивное событие предсказали:

«Родится Царь в далеком Вифлееме...»
Они Его рожденья ожидали.
И вот Звезда зажглась на черном небе
И поманила их в глухие дали.

Они нашли Того, Кого искали.
Ничто в пути их не остановило.
В улыбке хитрой Ирод зубы скалил,
С докладом во дворец просил зайти он.

Они ж ушли окольными путями,
Довольные, счастливые, как дети.
Не так ли и теперь бывает с нами,
Когда мы ищем Господа и встретим?

Глупцы идут дорогами кривыми,
Где бури воют, злые ветры свищут...
Звезда манит, горит во тьме над ними,
Но только мудрецы Иисуса ищут.

Рождество

Снова елки в витринах, блестит мишура,
Дед Мороз с бородою из ваты...
Рождества с нетерпением ждет детвора,
Дни и ночи для них длинноваты.

Этот праздник вошел в обиход у людей
Своим светом из лампочек ярких.
Центром стал у него Дед Мороз-чародей,
Целью стали гостинцы-подарки.

А убогие ясли в овечьем хлеву,
И Младенец, что в них был положен,
Это все, как во сне... А сейчас, наяву
Весь тот мир непонятен и сложен.

Но не вычеркнешь то, что свершилось тогда,
Пенье Ангелов шум не заглушит.
И сияет, как встарь, над Младенцем Звезда,
И ничто ее свет не потушит.

И поныне в пещеры убогих сердец
Она свет свой святой проливает,
И чудесною силой Небесный Отец
К новой жизни людей возрождает.

И рожденные свыше живые сердца
Каждый год видят снова картину,
Как рука всемогущего Бога Отца
Плоть дарует Единому Сыну!

Видят ясли в пещере, Пречистую Мать
И Младенца Христа на соломе,
Пастухов на полях, что спешат возвещать
О Рожденном в хлеву, а не в доме.

Мир погряз в мишуре, ослеплен суетой,
Снова елки сияют в витринах...
О, как нужен ему свет звезды золотой,
И спасение вечного Сына!

Рождество 1978

Живая вода Вифлиема

В плену филистимском лежит Вифлеем.
Давид в Одолламской пещере.
Давно не снимает доспехи и шлем,
Он доблестен в деле и в вере.

Но пить захотелось однажды царю.
Колодезь в руках филистимских...
«Кого в Вифлеем за водою пошлю?
Друзей ли вернейших и близких?»

И вызвалось трое пойти в Вифлеем.
Пробрались в стан перелеском...
Авесса их вел настороженно нем,
Движений не делая резких.

Колодезь во вражеском стане нашли,
Воды из него зачерпнули.
И той же дорогой царю отнесли,
Хоть знали, что жизнью рискнули.

Но выплеснул воду на землю Давид
Всевышнему Богу во славу!
«Господь сохрани, чтоб я мог ее пить! –
Кровь воинов верных и бравых.

Они полагали там жизнь за меня.
Как мог бы я выпить их воду?
Все трое, как та головня из огня,
Вернулись с водой на свободу!»

О царь, полководец, поэт и певец
С душой благородно-сердечной!
В Священном Писанье Небесный Отец
Оставил портрет его вечно.

Псалмы его дивные выше поэм.
Я плачу, пою, торжествую!
Творец всемогущий сошел в Вифлеем
Добыть для нас воду живую!

Купить ее кровью Иисуса для нас
Из вражеских лап преисподней...
Текут благодарности слезы из глаз
На землю для славы Господней!

Октябрь 1979

Свет в конце туннеля

Очами сердца видели пророки
И Богу посвященные мужи
Во всех делах Создателя уроки,
Во всех тернистых зарослях меж.

Водимые небесным, тихим светом,
Они сносили горе и беду.
Зиждимые Божественным заветом,
Ловили искры света на ходу.

На дне колодцев, ям, лощин, ущелий
Они впивались взором в небеса.
В конце глухих, извилистых туннелей
Вперед манила света полоса!

Она с веками ярче становилась,
Все шире, все доступней и светлей.
Вела, вела... и вдруг остановилась
Звездой лучистой посреди полей,

Над Вифлеемом – городом Давида,
Над хлебом скромным. Кто б подумать мог,
Что место без величия и вида
Для Сына Своего назначит Бог?

И оправдались годы ожидания,
И свет в конце туннеля не подвел.
К Спасителю от смерти и страданья
Он медленно, но верно мир привел.

В путях земных встречаются туннели.
Не все вопросы ждет прямой ответ...
Но песнь звучит, что Ангелы пропели:
«Христос родился! В мир явился Свет!»

Рождество 1982

Рождественская декламация

1. Быт. 3:15

Он был обещан нам еще в раю.
О Нем Отец любви благовестил.
Бросая взгляд на хитрую змею,
Он ей слова такие говорил:
«Я между вами положу вражду –
Меж грешною женою и тобой.
Вражду, что родилась вот здесь, в саду,
Где был поступок сделан роковой.
Меж семенем твоим, коварный змей,
И семенем жены навек вражда!
Оно придет в свой срок тебя сильнее,
И разразится над тобой беда:
Хотя в пяту ужален будет Он,
Ты в голову Им будешь поражен!»

2. Быт. 12:3; 17:19

Из Ура вывел Авраама Бог,
Сказав: «Пойди из дома твоего.
Исколесишь ты множество дорог,
Но станешь предком Сына Моего.
Я любящих тебя благословлю,
Злословящих навеки прокляну.
В тебе благословлю людей семью,
Тобой народ великий Я начну.
Бесплодной Сарре сына подарю,
И с ним завет наш снова заключу.
От чресл твоих рожденным быть Царю,
Внимай словам, которым Я учу!»
Дрожал старик, не понимая слов,
Но исполнять их все же был готов.

3. Быт. 49:8-10

У Иакова двенадцать сыновей.
Прекрасная, богатая семья.
Стадам числа нет, пастбищам межей,
Вода в колодцах, родниках, ручьях...

Отец обетований не забыл,
Что Бог дал до него его отцам,
Потом ему – Израилю повторил,
Что в нем благословятся все сердца.
И он на смертном ложе сыновьям
Пророческое слово говорил:
Иуда – лев! Отцом будет царям,
И от него законодатели,
Доколе Примириитель не придет,
И покорится перед Ним народ!

4. Ис. 9:7; Дан. 9:24; Мих. 5:2

Пророк Исаия, темы той держась,
Сказал, как о свершившемся давно:
«Младенец дан нам, славный мира Князь,
Владычество на раменах Его.
Он крепкий Бог, Он вечности Отец,
Советник, Чудный, Сын... Его престол
Бог утвердит навек... Его венец
И Царство Он от Бога приобрел...»
Пророческие сроки уточнил
В своих писаньях мудрый Даниил.
А место исполненья утвердил
Пророк Михей, когда провозгласил:
«Ты, Вифлеем, хоть мал среди ста сот,
Владыка из тебя произойдет...»

5. Ис. 7:14; Лк. 1:26,27,31

Лет за семьсот до исполненья слов
Через пророка Бог проговорил:
«У Девы будет Сын в конце веков,
И назовут Его Еммануил»...
Нить повести вошла в Новый Завет,
Евангелист Лука ее поймал
С момента, когда в город Назарет
Спустился Ангел и пред Девой встал.
Мария чистой девушкой была,
Невестою Иосифа святой,
И Ангел Ей сказал: «Ты обрела
Пред Богом благодать. Господь с Тобой!
Дух осенит Тебя и Ты зачнешь.
Рожденного Иисусом назовешь».

6. Мф. 1:18-25

Легко сказать: «Сойдет... зачнешь... родишь...
И Сына Иисусом назовешь»...
Объяла Деву ночи темной тишь...
«Иосиф, неужели ты поймешь?»
Но Ангел и к Иосифу пришел,
Когда уже готов был отпустить
Судьбе на прихотливый произвол,
Чтобы позор Ее не огласить...
Бог так сказал Иосифу во сне:
«Прими Ее, Пречистую, прими.
Она родит от Духа Сына Мне,
Я плод Ее навек благословил»...
Иосиф понял, принял и не знал
Ее, пока отцом Младенца стал.

7. Лк. 2:1-8

Свершалось слово, что сказал пророк:
Из Назарета в малый Вифлеем
На перепись пошел людей поток –
Иосиф и Мария на осле...
Она была уже в последних днях.
Застигнуть роды их могли в пути.
Народу тьма... Мария на сносях...
Гостиницу не так легко найти.
Стучали тут, потом стучали там.
Везде ответ: «нет места», «полон дом»...
Нашелся хлев – убежище скотам –
И путники остановились в нем.
Смущенно Дева расстелила плед,
Прикрыв солому и овечий след...

8. Лк. 2:6,7

Звезда струила благодатный свет
На хлев, где Дева Сына родила.
На вопль души в ту ночь дал Бог ответ.
Земля встречала то, чего ждала!
Иосиф, не вполне вмещаая все,
Стоял склоняясь над Матерью-женой.
Мария трепетно Дитя Свое,

К груди прижав, прикрыла пеленой...
Картина потрясающей была:
Семья святая: Мать, отец, Дитя!
Звезда на них свой чудный свет лила,
Остановившись на своих путях.
Тянулась вдаль пророческая нить...
Ее никто не смог остановить!

9. Лк. 2:8-14

В ту ночь на поле были пастухи.
В ночную стражу стерегли стада
От нападения хищников лихих...
У них огонь, вода есть и еда...
Вдруг видят свет на темноте небес
И слышат пенье, шум и голоса...
Овец пустились прятать под навес,
Но Ангел им явился и сказал:
Не бойтесь, я вещаю радость вам,
Которая обрадует всю плоть:
Пойдите в город, в яслях скромных там
Лежит Младенец. Он – Христос, Господь!
Небесный хор пел: «Слава в небесах!
Благоволенье на земле в сердцах!»

10. Лк. 2:15-19

Бежать пустились в город сторожа,
Забыв стада, опасность, даже страх.
Искали ясли, где Христос лежал.
Пришли, нашли и замерли в дверях...
Все было так, как Ангел возвестил:
Иосиф и Мария и Дитя,
И ясли и соломенный настил...
Они ж ко дню Рождения – в гостях!
Увидев все, спешили рассказать
О том, что было им возвещено.
Свидетели Христа – ни дать ни взять!
В день, когда христианство рождено!
Кто слышал, тот дивился их словам.
Мария ж все слагала в сердца храм.

11. Мф. 2:1-11

Когда же в Вифлееме Иисус
Родился в исполнение Божьих слов,
И Бог над хлебом поместил звезду,
Ее лучи встревожили волхвов...
Они с Востока двинулися в путь.
Толкуя звезды, как бывало встарь,
Поняв звезды над Вифлеемом суть:
Под ней родился Иудейский Царь!
Они с дарами царскими к Нему
Пришли, когда царь Ирод замышлял
Убить Младенца... Поклонясь Ему,
Домой пошли, хотя их Ирод ждал...
Они искали, и они нашли.
Христа находят мудрые земли.

12. Лк. 2:22-39

И дальше нить спасения идет...
Ей не было начала, нет конца...
Мы засекли на ней наш эпизод:
Рожденье Сына вечного Отца!
Мы вместе с патриархами ждали
Его рожденья, взор направив вдаль...
Пророков слово, прочитав, учли.
Над исполнением подняли вуаль.
Мы Ангелов видали торжество
И пастухов смиренье и восторг.
Мы празднуем Христово Рождество!
Поет земля! Поет небес простор!
Мы поняли... У нас по телу дрожь.
А ты поверишь, примешь ли, поймешь?

Рождество 1980

Мы – одно

Я подняла пораненного дятла
С помятым, ярко-красным хохолком,
И с грудкою в кроваво-мокрых пятнах,
С повисшим вниз из клюва язычком.

Не знала, кто поранил ему грудку
И перья склеил, кровью обагрив.
Я видела – он ранен не на шутку,
Его себе в ладони положив.

И понесла его домой тихонько.
Он благодарно мне не возражал.
Глаза открыть пытался, как спросонку,
В тепле ладоней, как в лубке, лежал.

Под светом лампы возвратились силы.
Я ощутила его сердца бой.
Оно неровно, судорожно билось –
За перебоем, нервный перебой...

Вдруг сильный вздох и все остановилось,
Безжизненно склонился хохолок,
Сердечко изнемогшее не билось,
За сизым веком спрятался зрачок.
И дятла пораженного не стало.
На белой тряпке – красное пятно...
Так умирали те, кого не знала,
Но все же со слезами провожала,
Быть может, потому, что мы – одно.

Ноябрь 1983

Урок

*И посмотрел я, и обратил сердце мое
и посмотрел, и получил урок.*

Пр. 24:32

Утром бабочка пестрая,
Вся оранжево-черная,
С громким царственным именем:
Легкокрылый «монарх»,
В паутине запуталась
Между розой и терном –
Погибает красавица!
Помогите ей! Ах!

Трепыхаются крылышки,
А одно чуть надломлено,
Оба усика скривлены,
Тельце мелко дрожит...
И царица-красавица
Сразу стала бездомною –
Паутиной опутана.
Как теперь улетит?

Не расправить ей крылышек,
Хоботка не засунуть
В ароматных цветочков
Прохладный нектар.
Но порыв улететь
У нее не остыл еще –
Жизни дар перед смертью
Превращается в жар.

Я раздвинула веточки
Между розой и терном,
Паутину очистила
С чуть надломленных крыл.
И расширила их,
Будто что меня дернуло
Попытаться красавице
Возвратить жизни пыл.

Но на черной головочке
Или, может быть, шейке,
Оказался громаднейший,
Весь мохнатый паук.
Разместился удобненько,

Как в саду на скамейке,
И душил свою жертву
Без петли и без рук.

Я стряхнула его,
Раздавила подошвою,
А красавицу нежненько
Посадила на куст, –
Не терновый, а розовый,
Весь украшенный прошвою
Лепестков, наподобие
Чуть раскрывшихся уст.

И, как видно, красавица
Сверхприродно почуяла,
Что ее вызволение
Наступило в тот миг.
Она крылья расправила,
Их полетом врачуя,
И взвилась на надломленных
Крыльях своих.

Будет помнить красавица
Паутину паучью,
Будет вздрагивать долго,
Вспоминая о ней...
Ну, а я? Содрогнуся ли
От уроков полученных,
Что Создатель в любви
Преподал ей и мне?

Октябрь 1982

Улыбка капитана

Корабль прибит к скалистым берегам.
Как птица, что в силки попала, бьется.
А на борту и шум, и крик, и гам,
И усмирить народ не удается.

Какой-то осмелевший пассажир
Решил пробраться к капитанской будке.
Скользя пошел, едва от страха жив.
Лицо, как мел, и тошнота в желудке.

Добрался к цели дальней кое-как,
Качаясь, спотыкаясь непрерывно.
Ему кричали: «Возвратись, чудак!» –
Но он хотел увидеть капитана.

А капитан, прикованный к рулю,
Спокойно направлял корабль в море.
Как будто буре говорил «люблю»,
Как будто людям не грозило горе.

И на один счастливый полумиг,
Одним движеньем шеи полугибким
К дверям, где бледный пассажир приник,
Оборотил лицо свое в улыбке.

И тот помчался, словно на пожар,
Под ветра вой по палубе отлогой
Туда, где страх всех пассажиров сжал
В комок дрожащий перед силой Бога.

«Все хорошо! Не бойтесь!» – он кричал,
Хотя корабль качало детской зыбкой.
«Нас капитан выводит на причал!
Он там стоит с широкою улыбкой!

Я видел капитанское лицо.
Оно мне улыбнулося из будки!»
И страх разжал смертельное кольцо,
Убрал свой трепет леденяще-жуткий.

Нам во Христе улыбку дарит Бог.
В Его руках надежных судьбы наши.
Кто разглядеть улыбку Его смог,
Тому суровой бури вой не страшен.

Прозрение

Нелегко путь. Унылый человек
Панелью шел, потупив очи долу.
Весь город жил, кипел, погружен в спех,
А он едва ступал от дома к дому.

И мысли все мрачней одна другой
Из темных тайников души всплывали.
Троллейбус посверкал ему дугой,
Из окон чьи-то руки помахали.

Он дальше шел и думал об ином...
Он верил в Бога, и в любовь, и в милость.
Но вот беда пришла в счастливый дом,
Незваной гостьей в нем расположилась.

«К чему, Господь? Что думаешь достичь
Вот этим страшным причиненьем боли?
Чему меня Ты хочешь научить?
Тебе на скорбь глядеть приятно что ли?»

Он незаметно вышел на пустырь.
Строители там церковь воздвигали.
И он присел под пыльные кусты,
Чтоб хоть на миг забыть свои печали.

Невдалеке рабочий молотком
Ровнял и шлифовал какой-то камень.
Прохожий, этим зрелищем влеком,
Побрел туда несмелыми шажками.

«Что мастеришь? – рабочего спросил, –
Из этой неприглядной, серой глыбы?»
Рабочий с камня пыль рукой струсил,
И обнажил все грани и изгибы.

«Гляди, вон там под шпилем, высоко
Отверстие открытое зияет.
А тут вот под зубилом, молотком
Простая глыба контуры меняет.

Своей рукой по мерке и на глаз
Я камень здесь внизу тешу-ваяю.
К отверстию, что там вверху как раз
По форме и размеру пригоняю»...

И отошел прохожий не спеша,
Просвет найдя во мраке дум печальных...
«Так вот зачем болит моя душа!
Благодарю, Ваятель Безначальный!»

Пернатый пленник

*Сколько раз хотел Я собрать детей твоих,
как птица собирает птенцов своих под крылья,
и вы не захотели...*

Матф. 23:37

Воробушек резвился в поднебесье,
Порхал, взлетал, парил в голубизне.
Свобода! Красота! Все звонче песни,
Все слаще жизнь и легче, чем во сне!

Но вдруг одним пикирующим махом
Он залетел в распахнутую дверь.
Охвачен неизвестностью и страхом,
Забился, как в силки попавший зверь.

То в стены он с разгону ударялся,
То в стекла окон, книжных полок ряд,
То к потолку с надеждою взвивался,
То в пол летел отчаяньем объят...

В груди сердечко больно трепетало,
Из клюва вырывался хриплый писк,
Летели пух и перья, как попало,
А он метался на свой страх и риск.

И человек, захвачен этой сценой,
Глядел в бессилье, думая о том,
Как на свободу выпустить из плена
Несчастливого с покрытым кровью ртом.

«О, если б он решился сесть мне в руку,
И перестал метаться и летать!
Как верный друг, его унял бы муку,
И мог легко ему свободу дать».

Но воробей в паническом угаре
Не доверял вниманию людей.
И головой стекло окна ударив,
Сел на карниз один с бедой своей.

Когда ж еще пришли на помощь люди,
Единогласно было решено,
Что комната вся затемненной будет,
А свету дать отверстие одно.

И затянули наглухо все шторы,
Искусственный создавши полумрак.
На света сноп через дверные створы
Вмиг устремился наш пернатый брат.

И был свободен! Снова в поднебесье
Резвился, кувыркался, щебетал!
Еще сердечней стали его песни
После того, что с болью испытал.

Нам в горе Бог ладони простирает,
А мы своим хотим идти путем.
Тогда Он Сам нас мраком окружает,
Один лишь выход нежно оставляет
И ждет, пока на свет Его пойдём.

О боли

Муж скорбей и изведавший болезни...
Ис. 53:3

И болезни уже не будет...
Откр. 21:4

Боли не прекращаются...
Р.М. Березов

Не знали мы, что ли, о боли?
Нас болью кормили, питали.
Мы боль вместе с жизнью впитали.
Мы носим от боли мозоли!

На сердце, на теле, на духе
Остались, как борозды в поле,
Следы и нарезы от боли –
На вкусе, на зренье, на слухе...

Мы с болью бывали, как дома.
Привыкли, сдружились, слюбились;
Как с мачехой грозной, ужились.
Оскома от боли знакома!

У всех у нас разные роли.
Порою и разные цели.
Порой мы от боли в постели,
«И не прекращаются боли»...

Когда-то они прекращались.
Бывали просветы безболья,
Покоя, блаженства, раздолья...
Мы, более не помня, смеялись.

А нынче они одолели!
Но есть и над ними победа:
Христос их до смерти изведал,
Чтоб в вечности мы не болели.

Сдадимся пред болями, что ли?
О, нет, никогда не сдадимся!
Мы в вечное Царство стремимся,
Где нет и помина о боли!

Добрые люди

Дождинки-капельки на землю падают,
Поля иссохшие их жадно пьют.
Нас люди добрые безмерно радуют,
Когда насущное нам подают.

На небе сумрачном вдаль тучи тянутся,
Им ветер северный попутчик-брат.
Нам крепко дороги те, кто останутся
Друзьями-братьями среди утрат.

Деревья клонятся, трещат их веточки,
Подпорки ставятся, чтоб их сберечь.
Нам люди добрые родней, чем деточки,
Когда приятны их дела и речь.

Ручьями-струйками вода стекается,
Бежит по улицам, по стокам труб.
Так люди добрые в молитвах каются,
Души волнение стекает с губ.

Надежда – ниточка едва заметная.
Помочь бы нам ее не перервать.
Людьми быть добрыми – мечта заветная –
Не только брать уметь, но и давать.

Мысли у камина

Когда сижу в уютном НАШЕМ доме,
Под нетекущей, прочной НАШЕЙ крышей,
Когда ложусь спать не на соломе,
Считая теплых одеял излишек.

Когда от пищи стол почти ломится,
Не нужно думать, ЧТО подать на завтрак,
Иль просто, когда кто-то постучится
Вчера, сегодня, даже послезавтра.

Когда сижу под лампой в мягком кресле
Возле камина, где трещат поленья,
Я думаю: а как бы было, если б
Мы вдруг лишились всех благословений?

И снова б мерзли, снова б голодали,
Как было там, в далеком нашем прошлом,
Которое не сгладилось годами,
Но в жизнь вплелось печальной, черной прошвой.

Была ли бы на сердце благодарность
Творцу за боль и жалость прозябанья?
Иль, отупев от жизненных ударов,
Мы все пустили б в ход на выживание?

Ведь так и было: только б выжить, выжить!
(Вокруг все мрут от голода, как мухи!)
Оставить след и свое имя выжечь
На пепелище мировой разрухи.

Мы выжили и наше имя выжгли.
Оставили на память поколениям.
Мы опаленными ОТТУДА вышли,
Как из огня спасенные поленья.

И потому теперь, когда над нами
Не свищут пули, не вопят сирены,
И мы сидим за прочными стенами,
Чуть в стороне от мировой арены,

Я, глядя на обилие покоя,
Обилие уюта, света, пищи,
Благодарю Творца, что дал такое,
А лучшего, признаться, мы не ищем.

И сидя в кресле мягком у камина
С пером в руке и чувствами поэта,
Я мысленно этап наш вижу длинный,
Не в силах слезы удержать при этом.

Декабрь 1983

Крылатые песни

Крылатые песни нужны человеку,
Крылатые чувства, крылатые мысли,
Чтоб он устремлялся не книзу, а кверху,
В небесные дали, в надзвездные выси.

Земля так прекрасна! Она нас чарует
Полями, лесами, озерною гладью...
Но вечную жизнь только небо дарует,
Поэтому небо гораздо отрадней.

Пусть мир обещает земли улучшение,
Устройство, порядок, отсутствие брани...
Не может он дать от греха избавленья,
А если грех будет, мир будет изранен.

Красивы печальные песни земные.
Сердечные струны дрожат от их звуков.
Небесные ж песни для духа родные –
Домой возвращают Адамовых внуков.

От песен земных часто слезы струятся,
Тоска пробуждается, тянет куда-то,
Какие-то мысли и чувства роятся,
И хочется мыслей и песен крылатых.

Декабрь 1983

С последней скамьи

Толкуй на языке простом,
Словами, чтоб я мог понять,
Как Он за нас шел со Крестом
Кровь царственную проливать.

Не ясно что-то для меня
Значенье, пастор, слов твоих.
Не мыслю оскорбить тебя.
Произноси понятней их!

Я знать хочу, как доверять
Тому, Кто на Кресте висел,
Чтоб жизнь из праха воссоздать,
Чтоб грех над мной не тяготел.

Ты говори по существу,
Чтоб душу удовлетворить.
А нет...
Бог, помоги ему!
С другими буду говорить.

С.Е.Б. (С англ.)

Почему?

В бесконечной вселенной атомы –
Незаметные ты и я.
Восхищаемся здесь закатами
И восходами бытия.

Копошимся по-муравьиному.
Что-то тащим себе под кров.
Рады пению соловьиному
И мычанью в хлеву коров.

Мы романтики и философы,
Мы поэты и косари,
Мы красавицы русокодые,
Мы лихие богатыри...

Только все это в рамках узеньких,
Только все это там, где нос.
А земля наша – это бусинка
В ожерелье несметных звезд.

Но кипят наши страсти бурные,
Зло вцепилось в горло добру.
И светила небес, как дежурные,
Стерегут эту мишуру.

Почему из такого множества
Солнц, галактик, миров, светил
Нашу землю в ее ничтожестве
Бог всеведущий полюбил?

Почему эти жалкие атомы,
Неприглядные ты и я,
Можем сделаться вдруг крылатыми
И подняться в Его края?

Я – пылиночка незаметная
Эту тайну едва ль пойму.
И в края те Его заветные
Понесу свое «почему».

Молодым

Мы слышим голос. Он мягче моха,
Он легче пуха, нежнее вдоха.
Он шепчет тихо: «Вот это плохо,
А это делай, вот это нужно...»
Тот голос в сердце, а не снаружи.
Когда мне было лет, может, двадцать,
Тот голос начал ко мне стучаться
И звать куда-то и беспокоить:
«Иди за Мною... Иди за Мною...»
Ни на чей голос был непохожим
Всех звуков в мире стал мне дороже,
Когда узнала в нем голос Божий.
Но голос сердца, бывало, все же
Я заглушала порой, и что же?
Он становился сильней и громче,
Как будто лодку покинул Кормчий,
А всюду буря и гром грохочет,
И сердце плачет и крикнуть хочет:
«Прости мне, Боже, что голос тихий
Я заглушала себе на лихо».
Хочу сказать я всем тем, кто молод:
Не заглушайте духовный голод!
Зовет вас голос средь бури воя:
«Иди за Мною... Иди за Мною...»
Не отвергайте тот голос нежный,
Ведь встреча с Богом всем неизбежна.
Пока вы юны, пока вы свежи,
Не заглушайте тот голос нежный!

Два следа

На пыльных дорогах земли
Два следа оставленных рядом.
Мы здесь с Иисусом прошли,
Меняясь то словом, то взглядом.

Мне было всегда хорошо,
Когда Он уверенным шагом
Сквозь бури житейские шел,
Меня заражая отвагой.

Немало прошли мы вдвоем,
Следы на пыли оставляя,
Крутым был порою подъем,
Но рядом усталая шла я.

Когда же бывало невмочь,
И рядом шагать невозможно,
Мой Друг предлагал мне помочь,
И нес на плечах осторожно.

Тому, кто за нами следил,
Следы наши тайну открыли:
В местах, где была я без сил.
Следы одинарными были.

И пусть не злорадствует враг,
На след одинокий взирая.
В крутых и высоких горах
Мой Друг меня нес в двери рая.

(Свободная адаптация с англ. 1979)

Мысли на пляже

На мокром песке возле кромки воды,
Где видны творенья начатки,
Цепочками вьются кривые ряды –
Различных следов отпечатки.

Следов от больших босоногих ступней,
Следов от сандалий и кедров,
Следов от ракушек и рачьих клешней,
От птиц и собак-самоедов...

Здесь ходят и бегают люди и псы,
Здесь даже есть след от копыта.
Но ближе черта водяной полосы,
И скоро все будет замыто.

Я тоже прибавила след свой к рядам
Следов человеческих и птичьих,
Но к ним подбирается грозно беда
Стихий ко всему безразличных.

Такие ль должно оставлять нам следы,
Что будут замыты, забыты,
Как те, что остались у кромки воды
От лап, от подошв, от копыта?

Неужто прочней нет на свете следов,
Ведущих нас к вечным просторам
От шума и гама земных городов,
От места борьбы и раздора?

Следы здесь оставили ноги Христа.
Идти б нам по ним и за ними.
И пусть наступает вода и беда,
Следы будут неизгладимы.

И кто-то другой их найдет и пойдет
По ним к тишине и покою.
Спаситель идет впереди и зовет:
«Возьми крест и следуй за Мною!»

За тобою пойду Иоан. 6:68

За Тобою идти? За Тобою идти?
Ты идешь впереди на суженье пути.

И чем ближе к Тебе, тем теснее мой путь, –
Окунаюсь в свет, окунаюсь в суть.

И пылинки на мне в Твоем свете видней,
Словно горы во тьме, в блеске правды Твоей.

Прям отвес Твой и вервь Твоя тоже точна.
Рядом с ними, поверь, я – кривая стена.

Я сжимаюсь в тоске, захлебнувшись в слезах.
Я на черной доске! Только стыд, только страх!

Но за кем мне идти? Но за кем я пойду?
Ты слова вечной жизни даешь на ходу.

Ты идешь впереди, и следы Твои – Кровь...
А она – всепрощенье, до смерти любовь.

За Тобою пойду! За Тобою пойду!
У кого же еще всепрощенье найду?

Июль 1987

Не все прозрачно

Прозрачны воды океана,
Прозрачны брызги у фонтана.

Прозрачен воздух по весне,
Прозрачна смолка на сосне.

Прозрачны крылья у стрекоз,
Прозрачны бусы ранних рос.

Прозрачны листья у берез,
Прозрачны струйки горьких слез.

Прозрачны горные ключи,
Прозрачны первые лучи.

Прозрачны очи у ягнят,
Прозрачны души у ребят.

Прозрачны стекла у окна,
Прозрачна легкая волна.

Прозрачна в заморозки ледь,
Прозрачна рыболова сеть.

Прозрачен его рыбный студень...
Но как же НЕПРОЗРАЧНЫ ЛЮДИ!

В ресторане

Сижу одна в китайском ресторане.
Когда одна, мечтаю быть с толпою.
Но вот, одна... как это все же странно!
Когда с толпой, мечтаю быть одною.

Китаец вежливо подносит чайник с чаем.
В его глазах ни теплоты, ни света.
По-азиатски он непроницаем.
Все чувства под запретом и секретом.

А у меня с моей натурой русской
(Хотя я вид секретный напускаю),
Все на лице, все широко, не узко,
Глазами все секреты открываю.

То боль в зрачках, то огоньки улыбки.
От музыки, что в ресторан ворвалась.
От звучной скрипки, все от этой скрипки,
Что так бесцеремонно разыгралась...

В глазах китайца все без перемены.
Я ж овощи приправивши слезами,
Ловлю из супа вкусные пельмени
И душу спрятать не могу глазами.

Апрель 1983

Горе-советники

Случается – совет непрошенный
Друзья навязывают ближнему,
И тот совет, как камень брошенный,
В больное место бьет умышленно.

Так Иову многострадальному
Друзья внушали сердобольные
Безвыходность вины печальную
Советами их добровольными.

Кому нужны эти психологи?
Какая помощь в их стараниях?
Сказать бы им: «Эх, вы, псих-олухи!»,
А не терпеть от них страдания.

Сентябрь 1987

Зеленоглазая

У зависти зеленые глаза.
Змеиные, что видят даже ночью.
Мне говорят, что это, мол, буза,
Что, дескать, даром зависть я порочу.

Но опыт моей жизни показал,
Что я ничуть здесь не перегибаю.
Да, зависти зеленые глаза
Любовь и дружбу часто убивают.

Не раз дружить хотелось от души
С красивой и талантливой особой,
Дружить, как просто дружат малыши –
Самозабвенно, искренне, до гроба!

Но разделять и радость, и успех,
И боль, и горе люди не умеют.
Таится зависть глубоко у всех,
И люди льстят, играют, лицемерят.

И гордостью приправленное зло
Завидует под маскою общенья.
Оно на Крест когда-то увело
Христа – любви и правды воплощенье!

Соперничества дух терзает нас
И разбивает дружбу, братство, браки...
Живет прищуренный зеленый глаз.
Не говорите мне, что это враки.

Февраль 1985

Перлы мудрости о языке

«Бескостный наш язык и слаб и мал,
Но убивает и дробит», – так грек сказал.
А турок заявил: «Сильней, чем меч,
Язык орду любую может сечь».

Персидская пословица гласит,
Что длинным языком смерть раннюю
Болтливый пригласит.

А иногда другой у притчи оборот,
Но авторы ее и так и сяк правы:
«Смотри, чтоб языком своей бы ты
Не срезал головы».

Китаец говорит, что «Быстрота словца
Нередко обгоняет жеребца».
К чему араб прибавил так впопад:
«Язык в душе хранит великий склад».

Евреев мудрость в принципе таком:
«Ногой споткнись, но лишь не языком».
Священный автор все в одно собрал:
«Кто обуздал язык, тот сердце обуздал».

Острей меча

Язык мой рану ближнему нанес.
Я попросил прощенья. Получил.
Но был нарез глубок и вред до слез.
Из раны долго брат кровоточил.

Слова мои казались пустяком.
Я оправдал их: правду, мол, рубил!
Но брата взор не блещет огоньком...
Боюсь, что сердце я ему разбил.

Глубок нарез и так придавлен дух!
Лишь кровь Твоя способна починить.
Души бальзам, смягчи коварный звук,
Что рану смог такую причинить!

Пусть мой язык любовь начнет дарить,
Ее, как дар, у Бога получив.
Лишь Тот способен слово освятить,
Кто Сам есть Слово, и вовеки жив.

О Слово Вечное, о Божий Сын!
Очисти мое уродство, Бог любви!
Ты слов моих и жизни Господин.
О, подними, цели, благослови!

И, может быть, что милостью небес
Израненное сердце заживет.
Загладятся следы, затянется нарез
И прошлое любовью зарастет.

Рука лицемерья

Нам хочется верить и трудно не верить,
И дня невозможно прожить без доверья,
Но между людьми закрываются двери
Рукой лицемерья, рукой лицемерья...

Поступками правду опять распиная,
Хвостом заматают, что ртом говорится,
И жизнь их такая, кривая, двойная,
Как жало у змея, двоится, двоится...

Окрашенным гробом, снаружи красивым,
Христос называл в Свои дни лицемеров.
И книжников и фарисеев спесивых
Поставил для нас негативным примером.

Он много народ упрекал за неверье,
За гордость, что служит паденью началом,
Но больше всего порицал лицемерье,
И слово Его очень строго звучало.

«О, горе вам! Горе вам!» – слышалось часто
По адресу тех, кто душою кривили,
Но черствая совесть была у горластых,
И правду они ко кресту пригвоздили.

Так хочется верить и трудно не верить,
И, кажется, дня не прожить без доверья.
Но часто в сердца закрываются двери
Рукой лицемерья, рукой лицемерья...

Сентябрь 1977

Гордость

Как косточка в носу гвинейца
Ему значенья придает,
Так ордена у европейца
Ведут его заслугам счет.

И так же неуклюже лишне
Они всем напоказ торчат,
Как шариков размера вишни
У дикаря под кожей ряд.

Задавшись целию одною,
То и другое – статус, знак.
Гордится человек собою, –
Гвинеец костью носовою,
А наш брат грудью в орденах.

Но в сути нечем нам гордиться.
И он и мы – пылинка, прах!
Но с этой мыслью примириться,
И перед истиной смириться
Мешает гордость. Просто страх!

Сентябрь 1987

Золотая лихорадка

Советую тебе купить у Меня золото...

Отк. 3:18

«Скупайте золото! Скупайте золото!
А на худой конец и серебро!» –
Лукавый панику вбивает молотом
Народу в голову и под ребро.

Бумажки долларов – трава зеленая –
Грозит соломой стать, как никогда.
И атмосфера накаленная
Волною хлынула на города!

«Скупайте золото! Скупайте золото!» –
Вопль лихорадочный пронзает мозг,
По спинам катится полярным холодом
На санках ужаса, как эскимос.

Болезнь заразная, инфекционная
И паству Божию не обошла,
И лихорадочность аукционная
В неутвержденные сердца вошла.

А Слово Божие, как прежде, дорого,
Как встарь, отчетливы слова Петра:
«Ведь мы искуплены не тленным золотом,
А кровью Господа без серебра».

У храма нищему, хромому отроду,
Сказал уверенно все тот же Петр:
«Нет серебра у нас и нету золота,
Но сила Божия тебя спасет!».

Давида слов запас из сердца высечен,
Он славит Господа уже с утра:
«Законы уст Твоих мне лучше тысячи
Литого золота и серебра!».

А Иов страждущий вопил в отчаяньи:
«Опоры в золоте я не искал!
И на сокровище средь испытания
Надежды трепетной не полагал».

Господь Двенадцати в любви советовал,
Когда служения пришла пора:

«Идите запросто легко одетые
В ваш путь, без золота и серебра».

Нам слава добрая дороже золота
И мудрость Божия ценней всего.
Кровь Сына Божьего не даром пролита?
Грех очищается в крови Его!

«Скупайте золото! Скупайте золото!
А на худой конец и серебро!»
Да только золото спасет не скоро-то.
На зло копят его, не на добро.

Вести

Новости хоть вовсе не смотри,
Вовсе не читай их и не слушай.
Ужасы с зари и до зари,
Как удава кольца, землю душат.

Человек стал человеку волк.
Стал? Иль, может, мы волками были?
Когда голос Авеля умолк,
Руки брата голос тот убили.

Мир! – кричим, а мира нет да нет.
Может, оттого, что Тот оставлен,
Кто дарует мир и без ракет,
Без побоищ и враждебных армий?

Может, оттого, что человек
Ослеплен техническим прогрессом,
А Благою Весть любви отверг,
Спрятал где-то под пудовым прессом?

Кто-то прав и кто-то виноват,
А пока все видимо страдают.
Мир в грехе, весь мир грехом чреват.
Может, потому он грех рождает?

Миллионы Истину нашли,
Но во тьме другие слепо бродят.
Может, обитатели земли
Плохо ищут, вот и не находят?

А она сияет издали,
И манит своим теплом и светом.
Жители страдалицы-земли,
Истина пред вами, а не где-то!

И она – ответ на ваш вопрос
О свободе, мире и покое.
Истина – Спаситель наш Христос,
Наше счастье, да еще какое!

Мир устал от жутких новостей.
Репортеры злое предвещают.
Весть звучит прекрасней всех вестей:
ВО ХРИСТЕ БОГ ГРЕШНИКОВ ПРОЩАЕТ!

Ноябрь 1963

Ответ на вопль барда

*Отдайте Бога мне,
Отдайте, что вам в том?
Каким Он будет, совершенно безразлично,
Верните мне Его, возьму в любом обличье,
Кому-то надо помолиться перед сном.*

Александр Розенбаум

«Отдайте Бога мне!» – кричит охрипло бард,
К безбожной власти устремив воззвание.
«В любом обличье» был бы Богу рад
Ограбленный, лишенный содержания.

Но Бог не отнят! Он, как прежде, есть!
Беги к Нему! Бери Его руками!
Его нельзя отнять, как совесть или честь.
Он жив, Он наш, Он в нас, Он с нами!

Создатель вечный не настолько прост,
Чтобы Его могло отнять созданье.
Пройдут года и рухнет «красный мост»,
Построенный на шатком основанье.

А Бог, как был, так будет вечно впредь,
Когда о «тех» не будет и помина.
Он создал воду, сушу, звезды, твердь
И человека сотворил из глины.

«Верните мне Его!» – вопит истошно глас.
Так значит позарез тебе Он нужен.
Ну так в чем дело? Принимай сейчас!
Дверь распахни и приглашай на ужин!

Стучась, стоит Он у твоей двери.
Впусти Его в сердечные покои.
Не нужно петь о Нем и говорить,
А нужно взять, чтоб вечно быть в покое.

Кто запретит молиться перед сном,
Когда душа в молитве к небу рвется?
Молись спросонку, вечером и днем,
Во сне молись... молись, когда придется...

«Верните мне Его!» – вопишь, как о родном,
Так жизнь отдай Ему, других зови туда же.
Для красного словца не говори о Нем.
Уж слишком Он высок и свят и важен.

Июль 1986

«Мир миру» (Советский лозунг)

Мир Мой даю вам...

Иоан. 14:27

С чего бы это «миролюбие»?
С того ль, что не забылось бедствие,
Что вызвало почти безлюдие
В рядах защитников отечества?

Ищи сегодня виноватого
В том, что бежало ополчение
Страной забытое, проклятое,
До дна испившее мучения.

Не обвинять же им «мудрейшего» –
Их партию в миниатюре –
В том, что погибли дети, женщины,
Не выжив на червивой тюре!

В том, что плененных, красных воинов
Никто не защищал под стужами.
Печать предательства присвоили
Безропотно, как что-то нужное.

Семьдесят лет прошли в мучениях,
И на костях росла империя.
России нужно Искупление!
А гласность – форма лицемерия.

На преступленьях преступления...
Когда-то разберет история
И закричит до исступления,
С собой в бессильной злобе споря.

Пока ж, конечно, «миролюбие»,
Плакаты, лозунги и статуи.
Цветет рассадник душегубия,
Растет и ширит свои стади.

Под флагом мира злоба сеется,
Вражда и, как всегда, безбожие.
И липкой паутиной стелется
Тропинка в тьму и бездорожие.

«Мир Мой даю Я свыше, люди, вам...»

Не так, как мир, дает Сын Божий.
Какое ж в мире миролюбие
Сравниться с этим МИРОМ может?

Январь 1987

Мечты о мире

На просторах земли бушевала война.
Захлестнула все дали и шири.
Мы шатались от голода, как от вина.
И мечтали, мечтали о мире!

Мы питались мякиною и шелухой,
И совсем позабыли о жире.
Хлеб с опилками ели (на вид неплохой)
И мечтали, мечтали о мире!

Те, кому привелось в лагерях побывать,
Кого гнали туда конвоиры,
Вспоминали и будут всю жизнь вспоминать,
Как мечтали, мечтали о мире!

Между мужем-женой неполадки порой.
Дети ссорятся в каждой квартире...
Отвлекаются люди трудом и игрой,
И мечтают, мечтают о мире!

Недостатки в характерах мучат, гнетут,
Навалились, как тяжкие гири.
Все страдают от них, неохотно несут
И мечтают, мечтают о мире!

На работе с людьми нелегко иногда.
Как смолчать скандалисту-задире?
Но молчим, чтобы ссор избежать и суда,
И мечтаем, мечтаем о мире!

Поклоняются люди тому и сему,
Строят жизнь на бездушном кумире.
А душа их пуста (не поймут, почему),
И мечтают, мечтают о мире!

На всех уровнях жизни и в каждой стране,
В нашем, в звездах затерянном, мире,
Люди с дрожью в душе говорят о войне
И мечтают, мечтают о мире!

Обсуждается мир президентами стран
В Вашингтоне, Москве и Каире.
Слово мир нам несут и печать и экран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.